

На правах рукописи

Труфанова Лилия Асмановна

**СУБСТАНТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С
НЕЛИЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Автореферат диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Казань – 2009

Работа выполнена на кафедре романо-германской филологии ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Арсентьева Елена Фридриховна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Андромонова Наталия Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент
Тарасова Фануза Харисовна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Казанский государственный
энергетический университет»

Защита состоится «24» ноября 2009 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению учёной степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина».

Автореферат разослан «___» октября 2009 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета:

к. ф. н., доцент
Т. Ю. Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферлируемое диссертационное исследование посвящено сопоставительному анализу субстантивных фразеологических единиц с неличным значением (СФЕ с НЗ) в английском и русском языках.

Современная научная парадигма ставит перед исследователями задачу изучения человеческого фактора во всевозможных его проявлениях. Представляется, что сферой наиболее яркого и своеобразного существования феномена человека в языке является фразеология. В семантике фразеологических единиц (ФЕ) фиксируются пропущенные сквозь призму языкового сознания логическое осмысление и чувственное восприятие окружающей действительности. Совокупность представлений субъекта об экстралингвистической реальности, вербализуемых с помощью средств косвенной номинации, образует фразеосемантическое пространство языка, или фразеологическую картину мира. Системное изучение человеческого фактора во фразеологии предполагает исследование семантики ФЕ в диалектическом единстве с описанием фразеологической картины мира. При этом именно сопоставительное изучение языков позволяет максимально точно выявить особенности отражения и категоризации объективной реальности фразеологическими средствами.

Несмотря на наличие большого количества исследований в области фразеологии, многие вопросы этой относительно молодой отрасли языкознания по-прежнему являются широко дискутируемыми и трактуются учёными по-разному. К числу наиболее сложных и спорных относятся такие проблемы, как категориальные признаки ФЕ, структура фразеологического значения и роль коннотации в нём, сущность внутренней формы ФЕ, роль ФЕ в репрезентации культуры народа, типы межъязыковых фразеологических соответствий, специфика функционирования и способы окказиональных трансформаций ФЕ.

Анализ научной литературы позволяет ясно увидеть, что приоритетным направлением современных фразеологических исследований является изучение «человека во фразеологии», т. е. ФЕ, семантически ориентированных на человека. Описание периферии фразеологической картины мира носит весьма фрагментарный характер. К тому же, исследования, посвящённые анализу отдельных периферийных участков фразеологической картины мира в сопоставительном аспекте, немногочисленны [Игнатьева 2004, Сафина 2002, Тарасова 1999, Эфендиева 2001, Шангараева 2004 и др.]. Этот факт даёт основание говорить о малоизученности периферии фразеологической картины мира.

Актуальность настоящего исследования определяется большой теоретической значимостью изучения фразеологического значения в системном и функционально-коммуникативном планах. Актуальность решаемых проблем мотивируется также отсутствием описания специфики СФЕ с НЗ в каждом из сопоставляемых языков, потребностью детального анализа сходств и различий в фрагментации фразеологической картины мира и выявления межъязыковых фразеологических параллелей и лагун.

Цель исследования – установление общих и специфических черт СФЕ с НЗ в английском и русском языках. Достижению поставленной цели способствует решение следующих **задач**:

1) из фразеологических фондов английского и русского языков вычлениить фразеосемантическую общность СФЕ с НЗ;

2) подвергнуть тщательному анализу и описать структуру фразеологического значения;

3) описать фрагменты фразеологической картины мира, объективируемые английскими и русскими СФЕ с НЗ, и провести сопоставительный анализ фразеосемантических групп (ФСГ);

4) выявить и описать типы межъязыковых фразеологических соответствий, рассмотреть способы перевода лакунарных ФЕ;

5) исследовать функционирование английских и русских СФЕ с НЗ в контексте, установить основные типы окказиональных трансформаций ФЕ.

Объектом данного исследования выступают английские и русские субстантивные фразеологические единицы с неличным значением, т. е. ФЕ, обозначающие нелицо. Придерживаясь широкой концепции фразеологизма, в частности, вслед за А. В. Куниным, под фразеологическими единицами мы понимаем все раздельнооформленные единицы языка с полностью или частично переосмысленными значениями, устойчивость которых подкреплена словарной традицией.

Предметом исследования является фразеологическая семантика и фразеосемантическое пространство в сопоставительном аспекте, межъязыковые фразеологические отношения и контекстуальная реализация ФЕ.

Методологическую и теоретическую основу работы составили труды таких учёных, как Н. Ф. Алефиренко, И. А. Арнольд, Е. Ф. Арсентьева, В. Л. Архангельский, Л. К. Байрамова, А. Н. Баранов, Е. М. Верещагин, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, Д. О. Добровольский, В. П. Жуков, А. В. Кунин, В. А. Маслова, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, А. И. Молотков, З.Д. Попова, А.Д. Райхштейн, Л. И. Ройзензон, Ю. П. Солодуб, Э. М. Солодухо, И. А. Стернин, В.Н. Телия, А. М. Чепасова, Н. М. Шанский и др.

Методы исследования. Настоящее исследование представляет собой синхронно-сопоставительное описание исследуемого материала, базирующееся на изучении и обобщении основных достижений современной лингвистической и, в частности, фразеологической теории. Основные методы исследования: сопоставительный метод, описательный метод, метод фразеологического анализа А. В. Кунина, включающий метод фразеологической идентификации, использованный при отборе фразеологического материала в сочетании с методом словарных дефиниций, метод компонентного (семного) анализа, методика обработки количественных данных, метод контекстуального анализа и методика корпусного анализа. В диссертации применяется методика определения типов межъязыковых фразеологических соответствий на основе компонентной теории тождества / различия семной организации фразеологических единиц, разработанная Е. Ф. Арсентьевой.

Научная новизна работы заключается в том, что она является первым

опытом комплексного сопоставительного анализа СФЕ с НЗ двух разносистемных, отдалённо родственных языков – английского и русского. Детальному исследованию подвергаются фразеосемантические парадигмы и их составляющие с учётом специфики фразеологического значения. Систематизация фразеологического материала происходит с опорой на новейшую разработку учёных Принстонского университета – электронный словарь-тезаурус WordNet. Впервые подробно определены и описаны типы межъязыковых соответствий СФЕ с НЗ. Особое внимание уделяется специфике проявления национально-культурного содержания ФЕ, национально-культурная маркированность представлена как градуальная категория. Впервые анализ контекстуальной реализации ФЕ происходит полностью на материале электронных корпусов английского и русского языков, что в определённой степени стимулирует дальнейшее развитие корпусной лингвистики.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что она вносит определённый вклад в разработку проблем фразеологической семантики. Понятие «фразеологическое значение» трактуется как сложное иерархическое единство сигнификативно-денотативного и коннотативного макрокомпонентов. Изучение фразеосемантической общности как совокупности фразеосемантических парадигм, избирательно покрывающих обширные понятийные зоны, представляется важным, поскольку способствует выявлению сходств и различий в объективации мира средствами косвенной номинации в двух лингвокультурах. Специальному диссертационному исследованию подвергаются межъязыковые фразеологические отношения и выявляются типы англо-русских соответствий. Детальному изучению подлежат вопросы контекстуального употребления ФЕ, рассматриваются основные типы контекстуальных трансформаций, определяется их семантико-стилистический эффект. Постановка проблем и достигнутые результаты будут способствовать дальнейшему развитию сопоставительной фразеологии.

Практическая значимость работы усматривается в возможности использования результатов исследования, прежде всего, в лингводидактических целях: при составлении учебно-методической литературы по сопоставительной фразеологии и лингвокультурологии, в курсах по лексикологии и практике перевода, при составлении одно- и двуязычных фразеологических словарей, толковых словарей.

Материалом исследования послужили 2622 английских и 1794 русских СФЕ с НЗ, отобранных путём сплошной выборки из ряда одно- и двуязычных фразеологических и толковых словарей. При отборе фактического материала из лексикографических источников мы руководствовались, во-первых, принципом группировки по фразеологическому значению (наличие признака «нелицо»), во-вторых, принципом группировки по грамматическому значению (наличие признака «субстантивность»). У многозначных субстантивных единиц анализу подвергались лишь те фразеосемантические варианты, в семантике которых присутствует признак «нелицо».

С целью представления иллюстративного материала, а также для анализа функционирования ФЕ в контексте были использованы данные электронных

ресурсов, в частности, Британского национального корпуса (BNC), Корпуса современного американского английского языка (СОСА), Корпуса журнала «Time» (TMC) и Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Обращение к электронным корпусам, содержащим наиболее полный объем данных об исследуемом объекте, позволяет осуществлять системный подход в изучении языковых и речевых явлений и получать наиболее достоверные результаты.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Английские и русские СФЕ с НЗ представлены широким диапазоном значений, которые на верхнем уровне образуют два поля – «Физический мир» и «Абстрактный мир». Данные поля состоят из фразеосемантических групп и подгрупп, в целом сходных в обоих языках.

2. Национально-культурная специфика ФЕ является градуальной категорией и может проявляться на семантическом, компонентном и экстралингвистическом уровнях. Чем больше уровней задействовано в семантике отдельной единицы, тем выше её национально-культурная значимость.

3. Значительная часть английских СФЕ с НЗ находят соответствие в русском языке в виде фразеологических эквивалентов и аналогов. Межъязыковой параллелизм обусловлен как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

4. Большая часть английских СФЕ с НЗ являются лакунарными. Наличие лакунарных единиц определяется национально-культурной спецификой фразеологии. Максимально полно значение лакунарной ФЕ передаётся при комбинированном переводе.

5. Механизм и функции окказионального преобразования СФЕ с НЗ совпадают в обоих языках. Наиболее распространённым приёмом окказиональной трансформации ФЕ является добавление компонента / компонентов. Наиболее сильный семантико-стилистический эффект достигается сложным типом фразеологического насыщения контекста.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования докладывались автором на Международной научной конференции «Актуальные проблемы изучения комплексных знаков», посвященной 100-летию заслуженного деятеля науки, д.ф.н., проф. А. В. Кунина (Москва, 22-23 апреля 2009 г.), на ежегодных Итоговых научных конференциях профессорско-преподавательского состава КГУ (Казань, 2008, 2009), на научно-практических конференциях АФ МГГУ им. М. А. Шолохова (Анапа, 2007, 2008). По теме диссертации опубликовано 7 работ, в том числе 2 – в ведущих рецензируемых журналах.

Структура диссертации обусловлена кругом исследуемых вопросов и включает введение, четыре главы, заключение, список использованной литературы, список сокращений и условных обозначений. Каждая глава состоит из нескольких разделов и сопровождается выводами. В тексте диссертации приводятся таблицы и схемы. Библиография состоит из списка научной литературы, списка словарей и списка электронных корпусов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, объясняется выбор объекта изучения, определяются цель и задачи работы, теоретическая основа и методы исследования, указываются источники и материалы исследования, отмечается его научная новизна, оценивается теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** «Предпосылки исследования субстантивных фразеологических единиц с неличным значением» определяются исходные теоретические положения, которые легли в основу исследования. Пристальное внимание уделяется вопросам семантики ФЕ, раскрывается понятие фразеологического значения как сложного единства взаимообусловленных и взаимозависимых микро- и макрокомпонентов и внутренней формы.

Неотъемлемым атрибутом современной науки о языке является антропоцентрическая парадигма. Человек видит мир сквозь призму языковой картины мира. «Языковая картина мира», согласно З. Д. Поповой и И. А. Стернину, – понятие, синонимичное «семантическому пространству языка» и представляющее собой «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определённом этапе развития народа, представление о действительности, отражённое в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова 2007 : 54].

Описание фразеологической картины мира включает в себя: 1) описание «членения действительности», отражённого языком в языковых парадигмах (в фразеосемантических полях и группах); 2) описание национальной специфики семантики ФЕ; 3) выявление лакунарных единиц.

Фразеологические единицы – это сложные в структурно-семантическом отношении образования. Среди основных категориальных признаков ФЕ – устойчивость, неоднословность и идиоматичность. Специфика ФЕ раскрывается путём препарирования её семантической структуры. На микроуровне фразеологическое значение определяется совокупностью взаимосвязанных и взаимообусловленных сем разного ранга [Арсентьева 1993, Жуков 2006, Кунин 2005, Солодуб 2003 и др.]. На макроуровне в структуре фразеологического значения взаимодействуют сигнификативно-денотативный и коннотативный макрокомпоненты значения как отражение онтологического единства объективного и субъективного в знаке косвенной номинации. Если сигнификативно-денотативный макрокомпонент обеспечивает предметно-понятийное содержание ФЕ, то коннотативный макрокомпонент обуславливает эмоционально-оценочное, экспрессивное наполнение ФЕ и представляет собой сложную иерархию оценочного, эмотивного, экспрессивного и функционально-стилистического компонентов [Арсентьева 1993, Кунин 2005, Телия 1996, Чепасова 1983 и др.].

Согласно результатам проведённого анализа, для большинства

английских и русских СФЕ с НЗ характерна отрицательная оценочность, экспрессивность и общеупотребительность. Эмотивность гораздо более свойственна русским ФЕ, среди которых преобладает число единиц, указывающих на ироничное или пренебрежительное отношение говорящего к объекту речи, напр., «медвежий угол / край» – *разг. ирон.* захолустье; глухое малонаселённое место.

Среди английских ФЕ лидирует подвижная эмосема шутливости, напр., «the best club in London» – *шутл.* “лучший клуб Лондона” (палата общин). С точки зрения функционально-стилистических характеристик, в обоих языках наиболее распространёнными являются разговорные ФЕ, напр., «a drop of something» – *разг. шутл.* глоток спиртного; также отмечается значительное количество устаревших ФЕ, напр., «барашек в бумажке» – *устар. ирон.* взятка. Ярким отличием английских СФЕ с НЗ является наличие в их составе большого числа американизмов, напр., «a gypsy cab» – *амер.* такси, водителю которого разрешается брать пассажиров только на стоянках. Довольно многим русским ФЕ свойственна принадлежность к просторечным единицам, напр., «зелёный змей» – *прост. предосуд.* спиртные напитки, алкоголь.

Ведущим фактором формирования богатой палитры коннотативных оттенков является фразеологическая образность, возникающая в результате смысловой двуплановости ФЕ и неразрывно связанная с понятием внутренней формы [Алефиренко 2005, Добровольский 1996, Жуков 2006, Кунин 2005, Солодуб 2003, Райхштейн 1980 и др.]. Внутренняя форма – это часть плана выражения, обеспечивающая связь между фразеологическим значением и значением переменного прототипа, лежащим в основе образного переосмысления. В основе большинства образных СФЕ с НЗ как в английском, так и в русском языке лежит метафорический перенос, напр., «a coffin nail» – *амер. жарг.* “гробовой гвоздик”, сигарета; «волчье логово» – *разг. презр.* жилище, пристанище преступников, врагов и т.п.

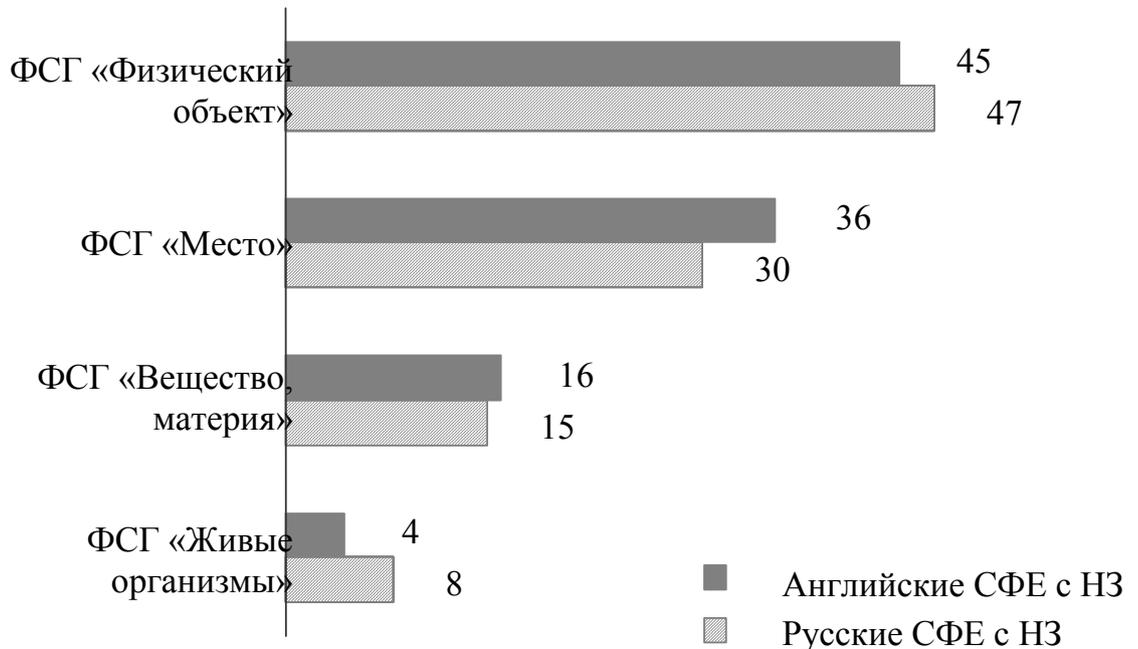
Во **второй главе** «Сопоставительный анализ семантических особенностей субстантивных фразеологических единиц с неличным значением в английском и русском языках» проводится детальное изучение ФЕ в рамках двух полей – «Физический мир» и «Абстрактный мир»; выявляются общие и специфические черты в вербализации отдельных фрагментов картины мира посредством английских и русских СФЕ с НЗ. Особое внимание уделяется способности фразеологизмов транслировать культурно релевантную информацию.

Английские и русские СФЕ с НЗ характеризуются большим семантическим многообразием и на верхнем уровне образуют два поля – «Физический мир» и «Абстрактный мир». Оба поля состоят из фразеосемантических групп и подгрупп. Одинаковое смысловое содержание анализируемых фразеокорпусов обусловлено общей логикой мышления и выражается в сходном членении фразеологической картины мира народами-носителями языков. Количественное распределение СФЕ с НЗ по выделенным полям и группам также свидетельствует о значительном параллелизме между сопоставляемыми фразеологическими подсистемами.

К полю «**Физический мир**» относятся 24 % англ. и 19 % рус. СФЕ с НЗ. Данные единицы образуют четыре фразеосемантические группы: «Живые организмы», «Вещество, материя», «Место», «Физический объект».

Диаграмма 1

Фразеосемантическое поле «Физический мир» (%)

База: 635 англ. и 333 рус. СФЕ с НЗ

Наименьшее количество СФЕ с НЗ в обоих языках зафиксировано в ФСГ «**Живые организмы**» (27 англ. и 26 рус. ФЕ), которая включает образные наименования растений и животных, напр., «the ship of the desert» – “корабль пустыни”, верблюд; «бабий разум» – *прост.* народное название растения перекасти-поле. В английском языке большинство ФЕ в данной группе являются обозначениями животных, в то время как среди русских ФЕ растения и животные представлены приблизительно в равных долях.

В обоих языках в группе «**Вещество, материя**» (99 англ. и 49 рус. ФЕ) наиболее широко представлены ФЕ подгруппы «Еда, питье», напр., «Sally Linn» – *разг.* сладкая булочка; «картошка в мундире» – неочищенный отварной картофель. Семантика большинства данных ФЕ является культурно маркированной. Для ФЕ, обозначающих различные напитки, как правило, характерна стилистическая сниженность, напр., «bathtub gin» – *амер. жарг.* дрянной джин; «злая водица» – *прост. экспрес.* водка. Ряд ФЕ-заимствований относится к книжному стилю, напр., «лукуллов / лукулловский пир» – *книжн.* необыкновенно богатый, изысканный пир (ср. «a feast of Lucullus», «a Lucullan / Lucullian feast»).

Между тем, в английском языке зафиксировано втрое больше ФЕ, являющихся наименованиями блюд и напитков, чем в русском; выделяется ряд ФЕ-американизмов, напр., «fire water» – *амер. разг.* “огненная вода”, спиртные

напитки; «devil's food cake» – *амер.* шоколадный торт.

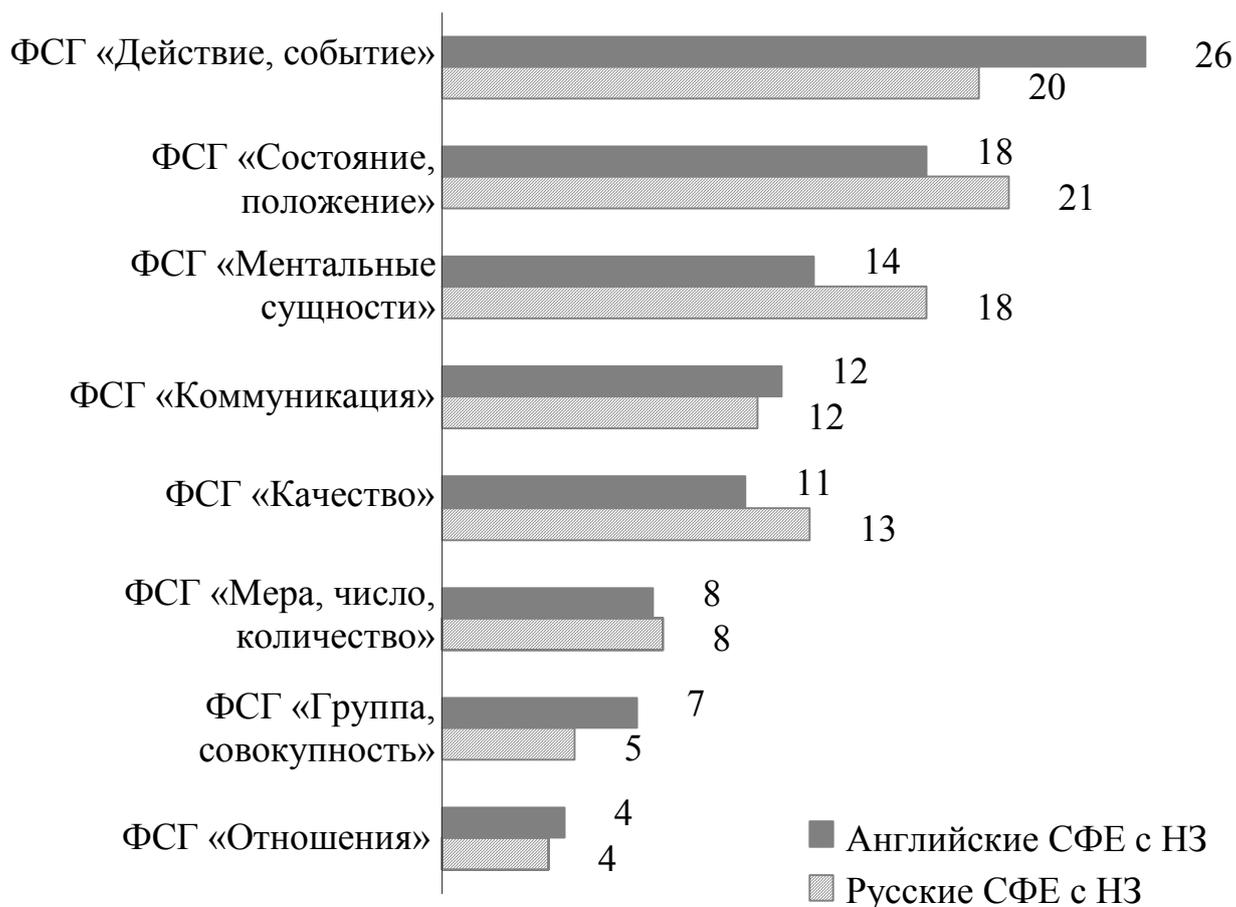
Самая большая подгруппа в ФСГ «Место» (226 англ. : 101 рус. ФЕ) – «Город, страна», которая включает перифрастические наименования городов, штатов (только в английском) и стран, напр., «the Battle-born State» (*амер.* «штат, рождённый в бою», прозвище шт. Невада); «поле чудес (в стране дураков)» – *ирон.* характеристика России конца 1980-1990 гг., когда политическая и экономическая жизнь страны стала непредсказуемой (спад производства, безработица, невыплата пенсий, криминальный беспредел и т.д.) и иногда абсурдной [Бирих 2007 : 551]. Являясь образными наименованиями различных географических объектов, ФЕ-прозвища получают широкий спектр коннотативных оттенков и, несомненно, представляют большой интерес с точки зрения культурно-национальной специфики их семантики. Данные ФЕ характеризует, как правило, положительная оценочность и принадлежность к приподнятому стилю, напр., «the Queen City of the Lakes» (*амер.* «королева озёр», г. Буффало в шт. Нью-Йорк); «город над вольной Невой» (*поэт.* о Ленинграде). В качестве отличия необходимо отметить значительный количественный перевес английских ФЕ, что обусловлено наличием в английском языке многочисленных прозвищ американских штатов и городов.

Остальные ФЕ в группе «Место» в большинстве случаев содержат отрицательный оценочный заряд, обозначая, напр., место, где человек испытывает страдания («a living hell», «дантов ад»), место беспорядка, хаоса («the black hole of Calcutta», «Авгиевы конюшни»), греховное место, притон («Sodom and Gomorrah», «вяземская лавра»).

В обоих языках наиболее многочисленной в поле «Физический мир» является ФСГ «Физический объект». Большинство ФЕ в данной группе относятся к подгруппе «Артефакт» (микрогруппы «Средство, инструментарий» и «Здание, заведение»), напр., «tin Lizzie» – *амер. разг.* дешёвый автомобиль, «фордик»; «a bawdy / disorderly house» – *эфв.* публичный дом; «столыпинский галстук / воротник» – *устар. публ. неодобр.* удавная петля, виселица; «избушка на курьих ножках» – *пренебр.* о маленьком, неприметном, неказистом строении. Данные ФЕ представляют, прежде всего, лингвострановедческий интерес. При этом, если большинство русских единиц имеют хронологические пометы (напр., «берёзовая лапша» – *устар. ирон.* розги), то в английском выделяются ФЕ с территориальными конкретизаторами (напр., *англ.* «big wheel» / *амер.* «ferris wheel» – «чёртово колесо», «колесо обозрения»). Кроме того, выделяются ряды ФЕ, в большей степени типичные для английской фразеологической картины мира (напр., ФЕ, обозначающие одежду и головные уборы, флаги, книги и печатные издания).

Преобладающее большинство СФЕ с НЗ – 76 % англ. и 81 % рус. ФЕ – обозначают отвлеченные понятия и относятся к полю «Абстрактный мир». В составе данного поля выделяются следующие ФСГ: «Отношения», «Группа, совокупность», «Мера, число, количество», «Качество», «Коммуникация», «Ментальные сущности», «Состояние, положение», «Действие, событие».

Фразеосемантическое поле «Абстрактный мир» (%)

База: 1987 англ. и 1461 рус. СФЕ с НЗ

Самая малочисленная ФСГ в обоих языках – «**Отношения**» (89 англ. : 57 рус. ФЕ), в которой наиболее широко представлены ФЕ, обозначающие материально-денежные отношения, напр., «golden handshake» – денежный подарок, пособие, отступные; «кровные деньги» – *прост. экспрес.* достаток, деньги, заработанные честным тяжёлым трудом. Каждая вторая ФЕ в данной группе содержит ярко выраженную оценочность, чаще всего – отрицательную, напр., «a white elephant» – *неодобр.* обременительное или разорительное имущество, обуза; «длинный рубль» – *разг. предосуд.* о высокой зарплате. Ряд ФЕ имеет сему интенсивности в структуре значения, напр., «a bad debt» – безнадежный долг.

В качестве отличий следует отметить, что четверть английских ФЕ характеризуются стилистической сниженностью, большинство из этих единиц являются, к тому же, американизмами, напр., «the long green» – *амер. жарг.* доллары, деньги. Практически половина русских ФЕ обозначают устаревшие реалии и относятся к разговорным единицам, напр., «красный косач» – *ист. прост.* денежная ассигнация достоинством в тысячу рублей.

В ФСГ «**Группа, совокупность**» (142 англ. : 71 рус. ФЕ) преобладающее большинство как английских, так и русских ФЕ относятся к подгруппе «Социальная группа», напр., «vertical union» – *амер.* производственный

профсоюз; «дом на Лубянке» – *публ.* комитет государственной безопасности СССР. Семантика данных ФЕ, как правило, отмечена национально-культурной спецификой.

Между тем, английские ФЕ представлены в данной ФСГ вдвое шире русских; выделяется ряд ФЕ-американизмов, напр., «justice shop» – *амер. жарг.* “судебная лавочка” (об органах правосудия, в кот. процветает коррупция). Каждый второй фразеологизм в русском языке относится к книжному стилю; часть ФЕ имеют отрицательную эмосему, напр., «шарашкина контора / (*редко*) фабрика» – *прост. презр. / пренебр.* – несолидное, не вызывающее никакого доверия, никчёмное учреждение, предприятие.

В обоих языках в группе «**Мера, число, количество**» (154 англ. : 118 рус. ФЕ) самые большие подгруппы – «Период времени» и «Неопределённое количество». Для половины как английских, так и русских ФЕ подгруппы «Период времени» характерна яркая оценочность; большинство единиц относятся к межстилевым, напр., «a black-letter day» – неудачный, несчастливый, трагический день; «бабье лето» – ясные, солнечные, тёплые дни начала осени.

В группе «Неопределённое количество» зафиксировано гораздо больше ФЕ, обозначающих большое количество, чем ФЕ с противоположным значением; для ФЕ данной подгруппы характерна сема интенсивности; каждая вторая ФЕ в обоих языках относится к разговорным, напр., «a mint / pot / pots of money» – *разг.* крупная сумма, куча денег; «right smart of smth.» – *амер. разг.* много чего-л., большое, изрядное количество чего-л.; «чёртова пропасть» – *прост. экспрес.* очень много, несметное количество.

В качестве отличий следует отметить количественное преобладание английских ФЕ, а также принадлежность ряда русских ФЕ к книжным (напр., «минуты роковые» – *поэт. высок.* о необычайно трудном, драматическом переломном моменте в жизни общества, периоде тяжёлого кризиса) и к устаревшим (напр., «синь пороха» – *устар.* самая малость, мельчайшая частица).

В обоих языках ФСГ «**Качество**» (221 англ. : 197 рус. ФЕ) делится на три подгруппы в зависимости от характера оценочности, при этом количественный перевес находится на стороне ФЕ с пейоративными оценочным и эмотивным компонентами, напр., «a whited sepulcher» – что-л. пустое, ничтожное, прикрывающееся наружным блеском; «топорная работа» – *неодобр.* о плохо, грубо сделанной работе. Кроме того, данным ФЕ, как правило, свойственна экспрессивность и стилистическая сниженность, напр., «a big deal» – нечто очень важное (*часто употр. ирон.*); «плёвое дело» – *прост. пренебр.* о чём-л. совсем лёгком, не требующем больших усилий труда для исполнения. Число английских ФЕ здесь также несколько превышает число русских единиц. В русском языке выделяется ряд книжных ФЕ, напр., «хитрая механика» – *публ. шутл.-ирон.* о чём-л. нарочито усложнённом, нацеленном на обман.

Английские и русские ФЕ группы «**Коммуникация**» (247 англ. : 169 рус. ФЕ) относятся к двум основным подгруппам: «Слово, язык, речь» и «Содержание сообщения». Преобладающее число ФЕ в обоих языках

зафиксировано в подгруппе «Содержание сообщения», которая состоит из нескольких более мелких фразеологических рядов (микрогрупп). Для большинства ФЕ данной подгруппы характерна яркая оценочность, при этом наблюдается явный перевес в пользу ФЕ с пейоративным оценочным зарядом; данные ФЕ являются, как правило, стилистическими сниженными, напр., «a kick in the pants / in the teeth» – *разг. фам.* нагоняй, разнос, головомойка; «бред собачий» / «бред сивой кобылы» – *грубо-прост. презр.* несусветная чушь, вздор.

Между тем, отдельные микрогруппы («Одобрение», «Новости, сведения», «Совет, предложение» и др.) зафиксированы только в английском языке, с чем также связано количественное преобладание английских ФЕ, напр., «a pat on the back» – одобрение, поощрение, похвала; «a word in season» – своевременный совет, своевременное предупреждение. Некоторый численный перевес в пользу русских ФЕ наблюдается в микрогруппе «Пожелание, приветствие», напр., «многая (многие) лета» – *устар. высок.* пожелание долгой и благополучной жизни; «типун на язык кому-л.» – недоброе пожелание кому-л., кто говорит не то, что следует.

В ФСГ «**Ментальные сущности**» английские и русские ФЕ представлены примерно равным количеством единиц (270 и 259, соответственно), которые также равномерно распределяются по нескольким подгруппам. Наибольшее число как английских, так и русских ФЕ относятся к подгруппе «Вера, убеждение», напр., «the articles of Faith» – догматы церкви, основы какой-л. религии; «силы небесные» – *устар.* по христианским представлениям: божественные силы, не подвластные человеку.

Большая часть ФЕ в данной ФСГ являются межстилевыми, при этом среди ФЕ, имеющих функционально-стилистические пометы, выделяются книжные и устаревшие единицы, напр., «the Pierian spring» – *книжн.* знание, вдохновение; «елисейские поля» – *устар. книжн.* по верованию древних: благословенное место, загробное местопребывание теней героев и праведников; элизий. Большинству ФЕ свойственна яркая оценочность, напр., «a fool's paradise» – нереальный мир, мир иллюзий; «гадание на кофейной гуще» – *ирон. неодобр.* беспочвенные, ни на чём не основанные предположения, догадки, домыслы.

Между тем, если в английском языке ФЕ с положительной и отрицательной оценкой представлены примерно в равных долях, то в русском наблюдается значительный перевес в пользу ФЕ с мелиоративной оценочностью, напр., «синяя птица» – *экспрес. высок.* то, что воплощает для кого-л. идеал счастья; символ счастья.

В обоих языках ФЕ группы «**Состояние, положение**» (352 англ. и 303 рус. ФЕ) характеризуются экспрессивностью и оценочностью, причём преобладающим является пейоративный оценочный компонент. Как в английском, так и в русском языке наибольшее число ФЕ зафиксировано в подгруппе «Условия, положение», в составе которой выделяются такие микрогруппы, как «Затруднительное положение» (напр., «Queer Street» – *разг.* неважные дела, трудности, неприятности), «Опасное положение» (напр., «the

enemy at the gate» – «враг у ворот», близкая опасность; «дамоклов меч» – *книжн. экспрес.* постоянно угрожающая кому-л. опасность), «Материальное положение» (напр., «easy street» – *разг.* достаток, богатство; «нагота и босота» – *устар. экспрес.* крайняя бедность, нужда).

В качестве отличий необходимо отметить, что ФСГ «Состояние, положение» является самой многочисленной среди русских СФЕ с НЗ, более того, в некоторых рядах (в частности, в микрогруппе «Материальное положение» и в подгруппе «Эмоциональное состояние») наблюдается количественный перевес в пользу русских единиц; оценочность в семантике данных ФЕ, как правило, сопровождается эмотивностью такого же характера. Примеры русских ФЕ, обозначающих стеснённое материальное положение: «ветер в карманах» (*прост. ирон.*), «дым да копоть» (*устар. ирон.*), «карманная чахотка» (*прост. шутл.*), «нагота и босота» (*устар. экспрес.*). Между тем, подгруппа «Вероятность, возможность» в гораздо большей степени характерна для английской фразеосистемы, напр., «a piece of cake» – *разг.* блестящая возможность, «a fair crack of the whip» – *англ.* справедливая возможность успеха в чём-л.

В обоих языках в рамках ФСГ «**Действие, событие**» (512 англ. и 287 рус. ФЕ) выделяются две подгруппы: «Действие, деятельность» и «Случай, событие, явление». Наиболее многочисленной является подгруппа «Действие, деятельность», большинство ФЕ в которой имеют отрицательную оценочность и относятся к межстилевым, напр., «a false start» – неудачная попытка (начать что-л.); «медвежья услуга» – неуклюжая, неловкая, неумелая услуга, вредящая кому-л., приносящая вместо помощи неприятность.

Между тем, являясь самой многочисленной среди английских СФЕ с НЗ, данная группа представлена гораздо большим числом ФЕ английского языка и включает ряд микрогрупп, типичных только для английской лингвокультуры, в частности, ФЕ, обозначающие игровую деятельность (напр., «mulberry bush» – детская игра, напоминающая хоровод), ФЕ, обозначающие близкие отношения между мужчиной и женщиной (напр., «a roll in the hay»), ФЕ, обозначающие участие в голосовании (напр., «absent voting» – *амер.* участие в голосовании лиц, находящихся в момент выборов вне своего избирательного округа). В русском языке выделяются ФЕ с отрицательной эмотивностью, а также книжные и разговорные ФЕ, напр., «дымовая завеса» – *часто публ. неодобр.* маскировка, прикрытие истинных намерений и мыслей.

Таким образом, согласно результатам сопоставительного анализа фразеосемантического пространства, образуемого английскими и русскими СФЕ с НЗ, в объективации и фрагментации фразеологической картины мира данными единицами черты сходства превалируют над чертами различия.

Анализ семантики СФЕ с НЗ свидетельствует также о том, что большинство данных единиц содержат культурно значимую информацию. Национально-культурная специфика ФЕ имеет градуальный характер и может проявляться на семантическом, компонентном и экстралингвистическом уровнях. Чем больше уровней задействовано в значении отдельной единицы, тем выше её национально-культурная значимость. В большей степени отмечена

национально-культурной спецификой семантика английских и русских СФЕ с НЗ, относящихся к ФСТГ «Вещество, материя», «Физический объект», «Место», «Отношения», «Группа, совокупность», «Коммуникация», «Действие, событие».

Третья глава «Типы соответствий английских и русских субстантивных фразеологических единиц с неличным значением» посвящена проблеме межъязыковых фразеологических отношений, в ней представлен краткий обзор научной литературы по данному вопросу. Всесторонний комплексный анализ СФЕ с НЗ позволил выявить и описать основные типы межъязыковых параллелей, а именно, англо-русские фразеологические эквиваленты, англо-русские фразеологические аналоги и лакунарные фразеологические единицы. Приведены способы перевода лакунарных ФЕ на сопоставляемый язык, отмечены достоинства и недостатки каждого из рассматриваемых способов.

Вопрос выявления и определения фразеологических межъязыковых отношений является важным и дискуссионным в современном языкознании. Разработке проблемы межъязыковых фразеологических соответствий уделялось пристальное внимание в трудах таких учёных, как Е. Ф. Арсентьева, Л. К. Байрамова, Л. С. Бархударов, В. Г. Гак, З. З. Гатиатуллина, В. Н. Комиссаров, А. В. Кунин, А. Д. Райхштейн, Я. И. Рецкер, Ю. П. Солодуб, Э. М. Солодухо, А. А. Хуснутдинов, Р. А. Юсупов и др. Диапазон критериев, выделяемых в качестве релевантных при анализе разноязычных ФЕ, включает семантические, лексические, стилистические, морфологические и синтаксические признаки ФЕ. Межъязыковая эквивалентность (в широком смысле слова) представляет собой не только относительную, но и градуальную категорию. Большинство исследователей сходятся во мнении, что при сопоставительном анализе разноязычных ФЕ ключевым признаком фразеологической эквивалентности является совпадение содержательной стороны соотносимых фразеологизмов, однако при определении степени эквивалентности внешняя сторона ФЕ играет немаловажную роль. Несмотря на наличие определённых расхождений в терминологическом обозначении типов соответствий, к основным понятиям межъязыковых фразеологических отношений относятся, прежде всего, эквивалентность, аналогия и лакунарность.

Выявление типов межъязыковых соответствий требует чёткого алгоритма действий и включает следующие этапы: 1) выявление степени тождества / различия в семном составе соотносимых ФЕ, на уровне сигнификативно-денотативного и коннотативного макрокомпонентов значения, 2) выявление степени тождества / различия в компонентном (лексическом) составе ФЕ и 3) выявление степени тождества / различия в структурно-грамматическом оформлении ФЕ [Арсентьева 1993]. В результате проведённого анализа английских и русских СФЕ с НЗ были выделены англо-русские фразеологические эквиваленты (полные и частичные) и англо-русские фразеологические аналоги (полные и частичные).

Англо-русские фразеологические эквиваленты (26 %) характеризуются тождеством плана содержания и полным (полные эквиваленты) или близким (частичные эквиваленты) сходством плана выражения. При этом структурно-

грамматические различия, обусловленные типологическими особенностями сопоставляемых языков, не влияют, на наш взгляд, на степень фразеологической эквивалентности.

Примеры полных эквивалентов: «swan song» = «лебединая песня» (последнее проявление таланта кого-л. или последнее наиболее значительное произведение); «the naked truth» = «голая / нагая истина» (безусловная правда, абсолютная истина); «a common denominator» = «общий знаменатель» (общая, сходная черта).

Примеры частичных эквивалентов: «university of life» «школа жизни» (приобретённый жизненный опыт); «false move» «ложный шаг» (неправильный, опрометчивый поступок, необдуманное действие); «a Sisyphean task» «сизифов труд» (тяжёлая, бесконечная и бесплодная работа).

Преобладающему большинству англо-русских соответствий среди СФЕ с НЗ свойственны отношения фразеологической аналогии (74 %). Причём подгруппа полных аналогов является самой многочисленной среди всех типов межъязыковых фразеологических соответствий (48 %). Фразеологические аналоги характеризуются полным (полные аналоги) или близким (частичные аналоги) сходством плана содержания. План выражения в них может частично совпадать или полностью различаться.

Примеры полных аналогов: «the handwriting / the writing on the wall» ≈ «труба Архангела» (обозначение грозного, зловещего предзнаменования); «the food of the gods» ≈ «райская пища», «нектар и амброзия» (об очень вкусной пище); «a / smb.'s sheet anchor» ≈ «якорь спасения» (верное прибежище, последняя надежда).

Примеры частичных аналогов: «green winter» (мягкая, бесснежная зима) ~ «сиротская зима» (о мягкой, тёплой зиме); «monkey / funny business» (странное, подозрительное, не совсем чистое дело, махинация) ~ «рога и копыта» (*ирон. неодобр.* о ловко организованных мошеннических предприятиях); «the point of no return» (момент, с которого возвращение назад невозможно) ~ «необратимый процесс» (о том, что будет развиваться далее, без возврата к прошлому состоянию).

Наличие англо-русских фразеологических эквивалентов и аналогов может быть объяснено общностью культурных традиций народов-носителей сопоставляемых языков, а также общечеловеческим характером фразеологической картины мира, сходством в осмыслении и способах фиксации человеком окружающего мира посредством СФЕ с НЗ.

Между тем, фразеология – национально детерминированное явление. Большинство (53 %) английских и русских СФЕ с НЗ не находят соответствий на уровне фразеологии в сопоставляемом языке. К основным способам перевода лакунарных ФЕ относятся описательный, калькированный, лексический и комбинированный способы. Каждый из этих способов перевода имеет свои преимущества и недостатки.

Чаще всего английские и русские лакунарные СФЕ с НЗ переводятся посредством развёрнутого описания, с помощью стилистически нейтральных переменных словосочетаний, напр., «coffee and cakes» – *амер. разг.* небольшой,

скромный заработок; «шарашкина контора» – *coll., usu. derog.* a questionable, suspicious, untrustworthy business, shop, enterprise etc. Учитывая специфику фразеологической семантики, описательный перевод является средством, к которому следует обращаться только в крайнем случае.

Живой фразеологический образ лучше всего передаётся при калькировании / полукалькировании. Калькирование позволяет наиболее точно воспроизвести на языке-рецепторе национально-культурную специфичность ФЕ языка-оригинала, напр., «sleeping policeman» – “лежащий полицейский” (искусственная неровность для ограничения скорости транспорта); общий котёл» – “common pot”, “family pot”. Однако, поскольку определение степени стёртости или живости образа лакунарной ФЕ бывает затруднено, дословный перевод может привести к неоправданному оживлению образа, к буквализму.

Основным требованием при лексическом переводе является стремление к сохранению экспрессивности исходной ФЕ, что может быть достигнуто при переводе лакунарной ФЕ с помощью яркой лексемы с коннотативным зарядом, напр., «мозговая атака», «мозговой штурм» (сосредоточение и активизация лучших интеллектуальных сил на какое-то время для выполнения важной задачи (обычно научной)) – brainstorming; «а / some breathing space / spell / time» – передышка.

Комбинированный способ перевода лакунарных ФЕ является, на наш взгляд, наиболее оправданным, поскольку он позволяет максимально полно передать как значение, так и образность ФЕ языка-оригинала, предоставляя переводчику возможность выбора наиболее подходящего в каждом конкретном случае средства перевода. Примеры: «turn of the screw» – “закручивание гаек”, нажим, давление (калька + лексический перевод); «one-arm(ed) bandit» – “однорукий бандит”, автомат для азартных игр (калька + описание); «детский лепет» – *coll., derog.* “childish prattle / drivel / babble”; “baby-talk” (naïve, trivial comment, thoughts) (калька + лексический перевод + описание). Эффективность того или иного способа перевода ФЕ во многом зависит от контекста.

Четвёртая глава «Употребление субстантивных фразеологических единиц с неличным значением в контексте» представляет собой анализ реального речевого использования ФЕ. Рассмотрению подлежат теоретические аспекты контекстуальной реализации ФЕ, уточняются понятия узуального и окказионального употребления ФЕ. Дан краткий анализ научной литературы. В рамках узуальных и окказиональных фразеологических конфигураций выявлены и охарактеризованы основные типы контекстуальных трансформаций английских и русских СФЕ с НЗ.

Изучение функционирования фразеологических единиц в речи является необходимой составной частью современных диссертационных исследований [Алдаибани 2003, Галиева 2004, Галяутдинова 2004, Сафина 2002, Салиева 2005, Семушина 2004 и др.].

Фразеологические единицы функционируют в контексте узуально и окказионально. К узуальному употреблению мы относим использование ФЕ в её словарной форме без изменения значения, без добавочных стилистических наслоений в пределах одного предложения. Под окказиональным

употреблением мы понимаем использование ФЕ в преобразованном виде. К основным признакам окказионального употребления относятся отклонение от нормы, индивидуальная принадлежность, новизна и творческий характер преобразования. При окказиональном употреблении обязательным является преобразование семантики ФЕ, под влиянием которой внешняя сторона может измениться или остаться традиционной. Структурные изменения всегда влекут за собой преобразования фразеологического значения, в то время как изменения содержательной стороны ФЕ необязательно вызывают модификации в плане выражения.

Рассмотрим более подробно функционирование английских и русских СФЕ с НЗ в рамках четырёх фразеологических конфигураций, выделенных А.В. Куниным [Кунин 2005].

Узуальная конфигурация первой степени – это контекст, в котором фразеологические единицы реализуются в традиционной словарной форме: сигнификативно-денотативное значение, эмоционально-оценочная коннотация и функционально-стилистические характеристики ФЕ не претерпевают каких-либо изменений, равно как и структурно-грамматическая организация и компонентный состав ФЕ. Рассмотрим примеры:

*More moms today are deciding to stay home from **the rat race** to raise the kids.*
[TMC: 44 Years Ago In Time // «Time» (2004/03/22)]

Фразеологизм «the rat race» (*пренебр.* жестокая конкуренция, бешеная погоня за богатством, успехом, карьерой) употребляется в основной, словарно-устоявшейся форме с присущей ему стилистической окраской, структура (noun+noun) и компонентный состав не изменены.

*Подчеркнём, что и у скинхедов их архаичный «национализм» – это **фиговый листок**, жалкое оправдание, подсказанное взрослыми кукловодами.*
[НКРЯ : Сергей Телегин. Дети – изгои (2003) // «Советская Россия», 2003.07.10]

Данный пример представляет собой внутрифразовый контекст узуального употребления ФЕ «фиговый лист / листок» (*книжн. ирон.* лицемерная, плохо скрытая маскировка подлинных намерений, нечестных, предосудительных).

В узуальной конфигурации второй степени фразеологизмы также используются без какого-либо преобразования их значения, структуры или компонентного состава. Однако данный тип фразеологической конфигурации отличается тем, что значительно усиливается создаваемый ФЕ стилистический эффект, т.е. экспрессивность в широком смысле слова. Усиление экспрессивности достигается как чисто позиционными стилистическими приёмами (самостоятельное употребление ФЕ, обособление и т.п.), так и стилистическими приёмами других типов (фразеонабор, фразеологический повтор, бессоюзие и т.п.). Примеры:

*«...I know you think it's **a wild goose chase**. You stay and mind the store». Her own words made her shiver. **A wild goose chase** indeed.* [COCA : Judith Moffett. The Bird Shaman's Girl (2007) // «Fantasy & Science Fiction», 2007 (Oct/Nov)]

Конфигурация представляет собой сверхфразовый фразеологический контекст. Особая экспрессивность достигается за счёт повторного самостоятельного употребления ФЕ «a wild goose chase» (*неодобр.* погоня за

недостижимым, сумасбродная затея, бессмысленное предприятие). В обоих случаях фразеологизм употребляется в присущей ему структурно-грамматической форме, словарные коннотации переданы во всей полноте, при этом особо подчёркивается неодобрительное отношение говорящего к объекту речи, о чём также сигнализирует глагольное выражение «make smb. shiver» (заставить кого-л. содрогнуться, напр., от страха и т.п.).

В следующей конфигурации реализуются две ФЕ одновременно: «дойная корова» (*прост. ирон. или неодобр.* постоянный источник материальных благ, которым кто-л. пользуется в личных целях, не зная меры) и «общее место» (*пренебр.* прописная примитивная истина, избитое выражение). Оба фразеологизма имеют ярко выраженную отрицательную оценочность. Благодаря фразеонабору высказывание приобретает дополнительную выразительность:

Системообразующая отрасль рассматривается государством в большей степени как дойная корова. А зря. Утверждение, что рекордно высокие цены на нефть, установившиеся на мировом рынке, не продержатся долго, давно стало общим местом. [НКРЯ : Василий Чирков. Пока толстый сохнет, худой сдохнет (2003) // «Независимая газета», 2003.01.15]

Окказиональная конфигурация первой степени представляет собой контекст, в котором реализуются окказионально преобразованные ФЕ. Преобразования носят структурно-семантический характер и достигаются использованием многочисленных стилистических приёмов, таких как добавление, замена, вклинивание, двойная актуализация (фразеологический каламбур), расширенная метафора и др. Возможность окказиональных преобразований обусловлена такими системными свойствами ФЕ, как раздельнооформленность и устойчивость, а также особенностями внутренней формы ФЕ. Рассмотрим примеры.

1. Добавление компонента / компонентов:

Guerrero says customers want the kind of protection he can provide after they've already had a close call with crime. Rep. JAY DICKKEY, (R), Arkansas: «They come here because they've been the victim of a kidnapping, and they now want protection». [COCA : U.N. Report Released on Iranian Nuclear Activities (2007) // PBS Newshour (2007/02/22)]

Добавление предложного выражения «with crime» приводит к уточнению значения ФЕ «a close call» (*разг.* опасное положение, смертельная опасность): речь идёт о серьёзной опасности, связанной с преступностью; выразительность всего высказывания усиливается.

2. Двойная актуализация (фразеологический каламбур):

Давно замечено, что в России две проблемы: дураки и дороги; и две напасти: внизу власть тьмы, наверху – тьма власти. [НКРЯ : Николай Журавлев. Разумное предложение-2 (первое сделано Д. Свифтом) (2003) // «Вестник США», 2003.11.12]

Фразеологический каламбур основан на обыгрывании значения ФЕ «власть тьмы» (*книжн. неодобр.* о засилье невежества, отсталости, ретроградства; разгулье мракобесия, власти реакции, фашизма) и значения

полисемичного компонента «тьма» (неопределённо большое количество кого-л./ чего-л.) в выражении «тьма власти». Созданию особой выразительности высказывания способствуют также аллитерация «дураки» и «дороги», рифма «напасти» – «власти».

3. Замена компонента:

*For culinary icons like chef Charlie Palmer of Aureole and the Lenox Room, the award he took home as best chef in New York City doesn't amount to much more than **a feather in his already-gilded toque**.* [COCA : Prizes and Politics Spice Up James Beard Awards (1997) // «Christian Science Monitor» (1997/05/15)]

В ФЕ «a feather in one's cap» (то, чем можно гордиться, предмет гордости; достижение; заслуга, знак отличия, особой чести) заменён компонент «cap» на метафоричное сочетание «already-gilded toque», где «toque» – «поварской колпак» (буквально «уже позолоченный поварской колпак»). Замена приводит к обновлению образа и эффекту двойной актуализации – речь идёт об очередном достижении именитого шеф-повара. Высказывание приобретает особую экспрессивность.

4. Вклинивание:

*Хотя любители **навешивания политических ярлыков** называют Глазьева «системным ревизионистом» и даже «коммунистом», сам он напрямую не отвечает на вопрос о своих политических взглядах.* [НКРЯ Александр Братерский, Георгий Ильичев. Слишком далеки они от Гевары.... Отечественные коммунисты в портретах и комментариях (2002) // «Известия», 2002.04.21]

В состав ФЕ «навешивание ярлыков на кого» (*разг. предосуд.* необоснованное приписывание кому-л. каких-л. свойств, качеств и т.п. (обычно негативного характера)) включён переменный компонент «политических», уточняющий значение фразеологизма. Кроме того, наблюдается сокращение исходного состава ФЕ.

5. Расширенная метафора:

Эффект обманутого ожидания возникает в результате использования приёма расширенной метафоры в следующем высказывании:

*«The trouble with **the rat race** is that even if you win, you're still a rat».* [COCA : Lilly Tomlin // «People magazine» (1977/26/12)]

Расширение основного метафорического образа происходит за счёт подобраза предателя, “крысы”, что и делает высказывание ироничным.

Окказиональная конфигурация второй степени образуется осложнёнными стилистическими приёмами, такими как двойная трансформация и фразеологическое насыщение контекста. Рассмотрим примеры:

1) ФЕ «a licence / license to print money» (букв. “лицензия, чтобы печатать деньги”, о большом несправедливом преимуществе в бизнесе или о возможности заработать много денег очень легко, без особого труда) подвергается в следующем контексте двойному преобразованию за счёт приёмов добавления и замены:

Rockefeller never construed his monopoly as an unlimited license to mint money. [COCA : How to Stay a Titan // «New York Times» (1998/04/19)]

Добавление переменного компонента «unlimited» усиливает значение большого преимущества, подобного лицензии, срок действия которой не ограничен. Кроме того, замена компонента «make» («делать» в широком смысле) глаголом «mint» («чеканить») способствует уточнению значения фразеологизма. Стилистический эффект, безусловно, усиливается.

2) *Эпоха иллюзий и мифов всё чаще и чаще уступает место отрезвляющему моменту истины, призванному максимально мобилизовать весь пока ещё сохранившийся потенциал общества на всех его уровнях, от общегосударственного до индивидуального. То вдруг вновь поднимается девятый вал мифологизма. Но через какое-то время и он отходит. Подобное чередование моментов истины и забытья мифологического дурмана весьма характерно для наших дней.* [НКРЯ : Никита Покровский. В зеркале глобализации (2003) // «Отечественные записки», 2003]

Приведённый отрывок насыщен стилистическими приёмами: добавление компонента «отрезвляющий» (такой, который отрезвляет, возвращает ясность сознанию) к ФЕ «момент истины» (решающий, критический момент); добавление компонента «мифологизм» (иллюзии, вымыслы) к ФЕ «девятый вал» (*экспрес.* наиболее сильное проявление чего-л.); двойная актуализация ФЕ «девятый вал» за счёт лексем «поднимается», «отходит»; повторное употребление ФЕ «момент истины», т.е. приём фразеологического повтора; метафора «забытье мифологического дурмана». Благодаря совокупному действию этих приёмов автору удаётся наиболее эмоционально и выразительно передать свое отношение к предмету статьи.

Итак, изучение типов окказиональных трансформаций английских и русских СФЕ с НЗ наглядно свидетельствует о сходстве механизма подобных трансформаций в двух языках. Наиболее распространёнными приёмами окказионального преобразования СФЕ с НЗ являются добавление, замена, двойная актуализация и фразеологическое насыщение контекста. Наиболее сильный стилистический эффект достигается при комбинировании различных приёмов окказионального преобразования ФЕ. К менее часто употребляемым приёмам в обоих языках относятся вклинивание и разрыв, что можно объяснить относительно слабыми признаками раздельнооформленности у исследуемых субстантивных ФЕ. Различия, как правило, носят второстепенный характер. Так, в английском языке намного чаще встречается приём добавления и замены, в то время как в русском языке более распространённым можно считать приём расширенной метафоры.

Функции приёмов окказионального преобразования СФЕ с НЗ совпадают в обоих языках, при этом цель воздействия любого типа трансформации ФЕ в каждом конкретном случае мотивируется интенцией автора, его коммуникативной и эмотивной установкой. Основными функциями контекстуальных преобразований являются уточнение или усиление значения ФЕ, осуществление определённого эмотивно-экспрессивного воздействия на реципиента.

Анализ речевого употребления СФЕ с НЗ позволяет также сделать вывод о том, что функционирование данных единиц в контексте в целом не

отличается от функционирования единиц другой семантической соотнесённости, в частности, от контекстуального использования ФЕ, семантически ориентированных на человека, что также свидетельствует об универсальности приёмов преобразования ФЕ и их функций.

В **заключении** излагаются основные выводы диссертации.

Результаты сопоставительного анализа СФЕ с НЗ в английском и русском языках свидетельствуют о преобладании сходств над различиями в объективации окружающего мира посредством данных ФЕ в двух лингвокультурах. В обоих языках СФЕ с НЗ представляют собой большой гетерогенный пласт, номинируя самые разнообразные стороны экстралингвистической реальности. Различия обусловлены национально-культурным своеобразием фразеологии языков и могут выражаться в неравноценном наполнении фразеосемантических групп, в наличии лакунарных ФЕ, а также в особенностях функционирования ФЕ в речи.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Труфанова, Л. А. Межъязыковые фразеологические соответствия (на материале английских и русских фразеологических единиц неантропоцентрической направленности) / Л. А. Труфанова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров, 2008. – № 3 (2). – С. 126-133*.

2. Труфанова, Л. А. Национально-культурная специфика фразеологизмов (на материале фразеологических единиц неантропоцентрической направленности в английском и русском языках) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: Научный журнал. – СПб: 2009. – № 99 – С. 196-209*.

3. Труфанова, Л. А. Английские фразеологизмы неантропоцентрической направленности / Л. А. Труфанова // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2007. – С. 297-299.

4. Труфанова, Л. А. Специфика выявления тематических групп среди фразеологических единиц неантропоцентрической направленности в русском и английском языках / Л. А. Труфанова // Профессиональная подготовка и становление личности будущего специалиста в условиях обучения в гуманитарном ВУЗе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Анапа, 30 мая 2007 г.) – Анапа, 2007. – С. 246-249.

5. Труфанова, Л. А. Английские и русские фразеологические эквиваленты неантропоцентрической направленности / Л. А. Труфанова // Русская и сопоставительная филология '2008: Исследования молодых ученых / Казан. гос. ун-т, филол. фак. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – С. 84-88.

6. Труфанова, Л. А. Англо-русские фразеологические аналоги / Л. А. Труфанова // Наука и знание: Материалы X-ой Научно-практической конференции Новороссийского филиала Московского гуманитарно-экономического института (Новороссийск, 4-5 апреля 2008 г.) – Новороссийск: НФ МГЭИ, 2008. – С. 196-199.

7. Труфанова, Л. А. Функционирование ФЕ the rat race в контексте / Л. А. Труфанова // Материалы международной научной конференции «Актуальные проблемы изучения комплексных знаков», посвященной 100-летию заслуженного деятеля науки, д.ф.н., проф. А. В. Кунина (Москва, 22-23 апреля 2009 г.). – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – С. 170-173.

* статьи, опубликованные в научных изданиях, входящих в перечень ВАК